

дорога

Краткое эссе философа Александра Чупрова приоткрывает читателю бесконечные и бездонные смыслы, которые вбирает в себя дорога...

Дорога — это форма бытия. Это наше пространство и наше время. Это наша жизнь и судьба. Именно поэтому древнекитайский иероглиф Дао изображался в виде стилизованной головы, символизирующей мысль, а под ней извилистый водный путь — дорога бытия.

道

Но в России, хотя и есть Волга, простирающаяся от края до края горизонта, символом бытия всегда была дорога пешая. Тот «кремнистый путь», о котором писал Михаил Лермонтов в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», а Николай Гоголь восклицал:

*Какое странное, и манящее,
и несущее, и чудесное в слове «дорога»,
и как чудна она сама, эта дорога!*

Та дорога, что грезится нам, когда мы слушаем 5-ю симфонию Петра Чайковского и музыку Георгия Свиридова по мотивам пушкинских «Повестей Белкина». Та дорога, что на картине Исаака Левитана «Владимирка».

Почти все великие реки России текут с севера на юг и еще больше с юга на север, и только Амур — с запада на восток, который стал естественным рубежом с Китаем, и выходом — с охотой — через Охотское море в Тихий океан.

Но Россия — страна не только «лохматая», как любовно назвал ее Захар Прилепин. Она, главным образом, страна «поперечная». Поперек великих рек шли пути Ермака и Дежнева, Хабарова и Пояркова, сиятельных жен декабристов и Муравьева-Амурского.

Это и дорога каторжан, сосланных в Сибирь, — «Владимирка» Левитана, с ее уже безмолвным звоном кандалов, стонами, причитаниями баб и плачем детей, верстовыми столбами и едва заметной вдали церквушкой.

Это «поперечные» дороги Наполеона и Гитлера. Их браурный «Drang nach Osten» и бесславный исход из России.

И. И. Левитан. Владимирка. 1892. Холст, масло. 123×79 см.

Это вагоны с солдатами русско-японской и гражданской войн.

Это растянувшиеся по всему Транссибу восставшие пленные белочехи.

Это бесчисленные, двигавшиеся с запада на восток эшелоны с нашими заводами, которые надо было спасать от немецкой оккупации, и еще больше — эшелоны с востока на запад с танками и «катюшами», одеждой и нашими мужиками, ехавшими воевать на фронтах Великой Отечественной.

Это и современные материальные и финансовые потоки рынка. По-научному «логистика».

Кажется, Василий Ключевский первым высказывал мысль о том, что Петр I построил флот, который спустя пятнадцать лет весь сгорел, а надо было строить дороги.

Но как знать, не въехали бы по тем дорогам и не поселились бы навсегда в России не только венценосные особы, начиная с Екатерины Первой, Анны Иоанновны и заканчивая женой Николая Второго Александрой Федоровной (урожденной принцессой Викторией Алисой Еленой Луизой Беатрисой Гессен-Дармштадтской), но и бесчисленные немецкие бюргеры, полчища французов, которых вел Наполеон, и полчища фашистов Гитлера и Муссолини, а сегодня — армады НАТО.

Трагическое «дорожное» бытие России то и дело обращивается к нам стороной саркастической и нашей самоиронией. В 1836 году Николай I, разгневанный чтением книги о быте и нравах Российской империи фран-

цузского барона де Кюстена, воскликнул: «Б...! Да в России только две беды: дураки и плохие дороги». С тех пор фраза стала нашим апокрифом.

И нашей «божественной» комедией: «Ну да. Две беды, из которых первая ремонтирует вторую».

Но этот апокриф также и знак нашей жизни, и знак живучести России.

Дорога — это русский символ неизбывной грусти-печали и вечного ожидания.

Это архетип России.

Прижившееся в философской литературе (с легкой руки швейцарского философа и психиатра Карла Юнга, 1875–1961) слово «архетип» (от греч. arche — «начало» и typos — «образ, прообраз, первоначальный образ, идея») — это не только «коллективное бессознательное». Глубинный смысл его сугубо религиозный. Выражение «архетип» встречалось в древности у Филона Иудея по отношению к образу Бога в человеке как «печать Бога».

Архетипы многообразны, но сейчас не об этом речь. Каждая нация имеет свою «печать Бога». У англичан — это образ корабля, у немцев — дом, у русских — дорога.

О дороге как архетипе России говорил академик Д. С. Лихачев в начале 1980-х на встрече со зрителями в Останкино. Ему Россия представилась старушкой у дороги, вечно ждущей своего сына. Может быть, этот сказанный почти экспромтом образ был навеян есенинскими стихами:

*Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

В книге Д. С. Лихачева «Заметки о русском» этого образа России я уже не нашел.

Образ дороги в русской поэзии неразрывно связан с образом женщины:

*Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.*

Николай Некрасов

Или вот это, может быть, самое пронзительное стихотворение о Великой Отечественной войне:

*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди...*

Константин Симонов

Но дороги России — это и мужская, военная история:

*Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.*

*Знать не можешь доли своей:
Может, крылья сложишь посреди степей.
Вьется пыль под сапогами, степями, полями...*

*... Край сосновый, солнце встает,
У крыльца родного мать сыночка ждет.
И бескрайними путями, степями, полями
Все глядят вослед за нами родные глаза.*

Лев Ошанин

Образ России как дороги неотделим от ее бескрайних просторов. Как мудро и точно определил Дмитрий Сергеевич Лихачев: у нас не свобода, у нас — воля, которая требует простора и широты души.

Простор — это и есть наша экзистенция, которая всегда есть результат выхода наружу сущности (эссенции). Экзистенции не бывает без эссенции, существования — без сущности. Российского простора не могло быть без могучего русского духа, который и есть наша сущность.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Дух — начало мужское.

Мужское начало в русской культуре — «фигура умолчания». Тогда как женский образ — это образ женщины в душе русского богатыря.

Он отнюдь не сказочный. Например, Николай Семенович Патолитчев — это и был самый настоящий богатырь Русской земли. Кажется, «рекордсмен» Советского Союза по числу орденов Ленина (их у него было 11).

И получил он их не за расшаркивания в коридорах власти, а за подвиги в тылу, когда во время Великой Отечественной руководил Челябинской областью, куда были переброшены сотни гигантов промышленных предприятий и тысячи людей. И всё это надо было заставить работать для фронта.

Мифы фашизма о женственности славянского духа, которому надобно мужское, тевтонское начало, — обман или самообман комплексующих немецких идеологов: ведь Германия проиграла все войны с Россией.

Но в этом мифе есть доля истины: «Страна у нас богата, порядка ж нет как нет» (Алексей Толстой). Но порядок — это не жизнь и не дух нации. Это технологии: политические, производственные и бытовые (вплоть до биотуалетов).

Единственное, чему нам нужно учиться у Запада, — это его технологиям, начиная от кантовской и гегелевской философии до технологий строительства дорог (автобанов). И нужно нам это лишь для того, чтобы идти своей дорогой...